СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ ВОСШЕСТВІЯ НА ПРЕСТОЛЪ БЛАГОЧЕСТИВѢЙШАГО ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА.

О СВОБОДѢ СОВѢСТИ.

Протоіерея

Алексѣя Ключарева.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°),
на Страстномъ бульварѣ.
1875.

Печатать позволяется. Москва. Марта 17 дня 1875 года.

Цензоръ протоіерей *С. Зерновъ.*

СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ ВОСШЕСТВІЯ НА ПРЕСТОЛЪ БЛАГОЧЕСТИВѢЙШАГО ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА *).

О СВОБОДѢ СОВѢСТИ.

„Вскую свобода моя судится отъ иныя совѣсти“ (1 Корин. 10, 29)?

Одинъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ, требующихъ по нуждамъ нашего времени тщательнаго разъясненія, есть вопросъ *о свободѣ совѣсти*.

Мы знаемъ, что одною попыткою приступить къ разъясненію и разрѣшенію этого вопроса съ церковной каѳедры мы возбуждаемъ во многихъ недоумѣнія и опасенія. Онъ нынѣ въ христіанскихъ странахъ сталъ вопросомъ *политическимъ*, и потому многимъ можетъ представиться, что мы входимъ въ область не принадлежащую церковному слову, или, по крайней мѣрѣ, не можемъ быть безпристрастны въ сужденіяхъ о немъ. Но для устраненія всякихъ недоразумѣній, мы должны сказать, что вопросъ о свободѣ совѣсти прежде всего есть вопросъ *нравственный*, какъ и сама совѣсть есть главный дѣятель нравственной жизни. Итакъ, даже для того, чтобы видѣть, въ какой мѣрѣ и съ какихъ сторонъ онъ можетъ входить въ область политическихъ вопросовъ и не угрожаютъ ли какія-либо опасности нашей нравственной жизни отъ неправильнаго его пониманія и невѣрныхъ пріемовъ въ его разрѣшеніи, даже для этой цѣли мы должны возвратить вопросъ на свое мѣсто и разсмотрѣть его въ той сферѣ

*) Произнесено 1875 г. 19 февраля въ московскомъ Большомъ Успенскомъ соборѣ.

понятій, въ которой онъ только и можетъ быть вѣрно поставленъ и разрѣшенъ.

Скажемъ даже больше: это именно *нашъ* вопросъ, принадлежащій къ области ученія *церковнаго*, потому что самое ученіе о свободѣ совѣсти стало извѣстно міру только изъ божественнаго откровенія. Древніе языческіе философы, при всѣхъ своихъ усиліяхъ, не могли и домыслиться до той высоты нравственнаго совершенства, гдѣ начинается для человѣка свобода совѣсти; а философы новаго времени только запутали это ученіе, какъ и многія другія чистыя христіанскія понятія, перемѣшавши ихъ съ идеями философскаго характера. По этому мы со всѣмъ дерзновеніемъ яснаго сознанія истины утверждаемъ, что въ разрѣшеніи вопроса о свободѣ совѣсти, объ этомъ высшемъ проявленіи истинной свободы человѣка, первое мѣсто должно принадлежать православной Церкви. А кто православную Церковь и духъ ея хорошо знаетъ, тотъ раздѣлитъ съ нами и то убѣжденіе, что она никогда и никого ни въ ложное, ни въ неясное нравственное, или общественное положеніе не поставитъ, только бы мы проповѣдники ея ученія неуклонно слѣдовали ея указаніямъ и руководству.

Главныя затрудненія въ примѣненіи къ жизни христіанскаго ученія о свободѣ совѣсти нынѣ происходятъ отъ того, что многіе обращаютъ къ властямъ церковнымъ и государственнымъ требованія на свободу жизни по праву неприкосновенности совѣсти, исходящія изъ невѣрнаго пониманія этого ученія. Всѣ такія требованія, при всемъ разнообразіи взглядовъ и выводовъ, на которыхъ основываются, сводятся къ одному общему положенію: „всякій имѣетъ свою совѣсть, а потому во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ долженъ быть предоставленъ самому себѣ, лишь бы его дѣйствія не нарушали личной свободы другихъ и общественнаго порядка и безопасности“. Правда, что совѣсть есть священная и неприкосновенная принадлежность человѣка, какъ существа разумно-нравственнаго;

она есть главный внутренній руководитель его въ стремленіи къ усовершенствованію по пути истины и правды, и принудить людей дѣйствовать противъ совѣсти, это значитъ, лишить ихъ внутренняго свѣта и силы, нравственно исказить и развратить ихъ. Въ общемъ смыслѣ, или, какъ говорятъ философы, въ отвлеченномъ, идеальномъ представленіи о человѣкѣ, какимъ онъ долженъ быть, это совершенно справедливо. Но не къ такому заключенію мы приходимъ при тщательномъ наблюденіи надъ человѣкомъ въ опытахъ дѣйствительной жизни. Чего бы кажется лучше, какъ пустить людей идти свободно по прямому пути къ познанію истины, не задерживая и не стѣсняя ничьимъ чужимъ вліяніемъ самостоятельнаго развитія въ нихъ разнообразныхъ умственныхъ силъ и дарованій? Но на дѣлѣ оказывается, что большую часть изъ нихъ приходится во всю ихъ жизнь учить и руководить на пути къ истинѣ; потому что они сами этого пути не находятъ, и даже не видятъ и не узнаютъ, когда его ясно указываютъ имъ. Чего бы лучше, какъ дать людямъ волю упражнять свою свободу въ самостоятельной дѣятельности по законамъ правды божеской и человѣческой, безъ всякаго вмѣшательства сторонніхъ руководителей, и только радоваться проявленію въ нихъ свойственныхъ каждой личности особыхъ совершенствъ человѣческой природы? Но на дѣлѣ оказывается, что они до того иногда забываютъ и попираютъ эти законы, что приходится вязать ихъ и заключать въ темницы. Если таковы люди по отношенію къ познанію истины и къ свободной дѣятельности по законамъ правды: то могутъ ли они быть иными въ своей совѣсти, которая есть выраженіе общаго внутренняго состоянія и направленія человѣка и, такъ сказать, выводъ изъ всей его дѣятельности? Очевидно, нѣтъ.

Разъяснимъ эти мысли подробнѣе. Что такое совѣсть? Ее называютъ закономъ Божіимъ напечатлѣннымъ въ душѣ человѣка, внутреннимъ свидѣтелемъ нашей жизни, неотлучнымъ судіею нашихъ помысловъ и дѣлъ и т. под. Всѣ

эти выраженія, хотя и вѣрно, но только сравнительно, описываютъ различныя дѣйствія и состоянія нашей совѣсти. По точному опредѣленію, совѣсть есть внутреннее чувство мира и благосостоянія, испытываемое нами при соблюденіи закона, и чувство скорби и страданія при нарушеніи его. Какой здѣсь разумѣется законъ? Тотъ, по которому мы созданы и жить должны, т.-е. законъ Божій. Этотъ законъ жизни, вложенный въ природу каждаго существа, вездѣ обнаруживаетъ одинаковыя дѣйствія: при соблюденіи его вездѣ разливается порядокъ и благосостояніе, при нарушеніи разстройство и страданіе. Это, такъ-сказать, совѣсть всей природы въ совокупности и каждаго созданія порознь. Разность по отношенію къ различнымъ существамъ состоитъ въ томъ, что природа неодушевленная дѣйствій въ себѣ и на себѣ этого закона не чувствуетъ; животныя чувствуютъ, но не сознаютъ; человѣкъ и чувствуетъ и сознаетъ. Возьмемъ опыты нарушенія закона. Растеніе не развивается въ свойственную ему форму, чахнетъ и вянетъ, когда не соблюдены условія его питанія и содержанія, но не чувствуетъ этого. Животное въ болѣзни чувствуетъ страданіе (какъ и человѣкъ, живущій только одною животною жизнію, какъ напримѣръ въ младенчествѣ или безпамятствѣ), но не сознаетъ ни причины своихъ страданій, ни возможности выхода изъ тяжкаго положенія. Но человѣкъ вполнѣ обладающій своими силами во внутренней духовной своей жизни, напримѣръ при потерѣ невинности, нарушеніи законовъ чести, справедливости, любви къ ближнему, и страдаетъ, и въ тоже время сознаетъ, отъ чего страдаетъ, и какъ онъ впалъ въ это состояніе, и что онъ чувствовалъ до своего паденія, и тѣмъ убѣждается, что ему для возвращенія внутренняго мира и довольства самимъ собою непремѣнно нужно выдти изъ этого неестественнаго состоянія. Ясно, что здѣсь приходитъ дѣятельность собственно человѣческихъ способностей: разумнаго самообсужденія и свободнаго самоопредѣленія. Посему, совѣсть

человѣческая, какъ все основанное на постепенно развивающемся познаніи себя и другихъ и постепенно возвышающемся свободномъ саморазвитіи, удобоизмѣняема; а при возможности свободнаго нарушенія законовъ со стороны человѣка и разнообразныхъ ошибокъ и заблужденій, и легко возмущается, колеблется, затемняется и извращается. Никто такъ хорошо не знаетъ различныхъ болѣзненныхъ состояній совѣсти человѣческой, какъ св. Церковь. По ея указаніямъ, больше чѣмъ по всякимъ психологическимъ изслѣдованіямъ, намъ извѣстно, что есть совѣсть *грубая, нечувствительная* къ внутреннимъ страданіямъ духа даже при совершеніи тяжкихъ преступленій, при которой человѣкъ, подобно умирающему, не чувствующему разрушенія своего тѣла, не сознаетъ близости вѣчной погибели; или подобно бѣдняку, привыкшему къ душному воздуху своего жилища, дышетъ въ своей зараженной нравственной атмосферѣ безъ тягости и отвращенія. Къ такимъ людямъ относится увѣщаніе: *возстани спяй и воскресни отъ мертвыхъ* (Ефес. 5, 14). Есть совѣсть *безпечная и нерадивая*, когда человѣкъ, не наблюдая за своими мыслями и дѣлами, отъ легкихъ нарушеній закона переходитъ къ болѣе важнымъ, и перемѣшивая проступки съ преступленіями, не слушая обличеній, постепенно день ото дня глубже развращается и, какъ говоритъ Писаніе, *пришедъ во глубину золъ нерадитъ* (Прит. 18, 3). Есть, по указанію Апостола Павла, *сожженная* совѣсть лицемѣровъ (1 Тим. 4, 2), когда по привычкѣ къ разсчетамъ самолюбія, честолюбія, корысти, *ложныя* ученія и лжетолкованія становятся въ умѣ человѣка на мѣстѣ истины, а торжество страсти въ развращенномъ сердцѣ замѣняетъ утѣшенія совѣсти. Есть совѣсть *буквалистовъ*, которые скорѣе готовы прощать преступленія, чѣмъ уклоненія отъ внѣшняго обряда, на что указываетъ Апостолъ Павелъ, говоря: *буква убиваетъ, духъ животворитъ* (2 Кор. 3, 6). Есть совѣсть *лукавая*, когда человѣкъ худыя дѣла свои извиняетъ и оправдываетъ благовидными предлогами. Объ

избавленіи отъ этого порока Церковь научаетъ молиться и самихъ совершителей таинствъ: *очисти Господи мой умъ и сердце отъ совѣсти лукавыя.* Есть совѣсть *фанатическая*, когда человѣкъ по горячему стремленію къ распространенію вѣры, или къ водворенію закона и порядка, готовъ дѣйствовать мѣрами насильственными, съ забвеніемъ личныхъ правъ и свободы другихъ, что Апостолъ называетъ *ревностію не по разуму* (Рим. 10, 2). Есть совѣсть *рабская*, когда человѣкъ, подавляемый силою грѣховныхъ навыковъ, или страстей, и страдаетъ внутренно, и страшится вѣчнаго осужденія, и ищетъ выхода изъ своего тяжкаго положенія и не находитъ. Къ этимъ нравственнымъ состояніямъ относится слово Спасителя: *всякъ творяй грѣхъ, рабъ есть грѣха* (Іоан. 8, 34). Есть совѣсть *робкая, страшливая*, когда человѣкъ теряетъ спокойное и ясное настроеніе духа, смущаясь страхомъ осужденія за неизбѣжные грѣхи человѣческой немощи. Здѣсь мы указали только главнѣйшіе виды болѣзненныхъ состояній совѣсти. Въ дѣйствительной жизни эти пороки совѣсти въ душахъ нашихъ такъ соединяются, переплетаются, получаютъ такіе разнообразные оттѣнки и степени силы, что ни услѣдить ихъ, ни описать въ подробности невозможно. Но и въ этомъ общемъ очеркѣ каждый изъ насъ, внимательно всмотрѣвшись въ себя, найдетъ много такого, что близко относится и къ нему, что составляетъ и его внутреннюю болѣзнь. Подумавши такимъ образомъ о людяхъ нравственно недужныхъ и испорченныхъ (каковы всѣ мы болѣе или менѣе), какой *свободы совѣсти* мы можемъ пожелать для нихъ? Позволенія и разрѣшенія говорить во всеуслышаніе о томъ, чего они внутренно еще стыдятся? Разоблачать предъ всѣми то, что они тщательно скрываютъ? Дѣлать открыто и на глазахъ всѣхъ то, что по остаткамъ совѣсти еще дѣлается въ четырехъ стѣнахъ и во тьмѣ ночной? Или, съ другой стороны, дать волю во вредъ другимъ дѣлать то, что пожелаютъ по своей совѣсти дѣлать интригующіе, подъ разными именованіями,

лицемѣры, неукротимые фанатики, безстыдные развратники, воры и разбойники? Но не значитъ ли это растворить настежь двери тому неизобразимому количеству зла, которое кроется въ сердцахъ человѣческихъ, и дозволить ему безпрепятственно вырываться наружу на соблазнъ и развращеніе невинныхъ и неопытныхъ, на искушеніе колеблющихся, на разслабленіе терпящихъ и трудящихся въ подвигахъ добра и чести?... Ясно, что это будетъ не свобода совѣсти, а высвобожденіе людей изъ-подъ надзора и суда совѣсти, или иначе попраніе и уничтоженіе самой совѣсти.

Намъ скажутъ: „кто же такъ понимаетъ свободу совѣсти? Это очевидная несообразность“.—Согласны. Но именно эта несообразность, или внутренняя ложь, прикрываемая разными софизмами, и заключается въ современномъ понятіи о свободѣ совѣсти, указанномъ нами въ началѣ. „Предоставьте каждому дѣйствовать *по своей* совѣсти, такъ какъ совѣсть священна и неприкосновенна“. Что это значитъ? Отдайте нравственный порядокъ обществъ на личную совѣсть каждаго человѣка, и вопервыхъ, *на нашу* совѣсть, на совѣсть, какая *у насъ*, проповѣдниковъ новыхъ ученій. Но мы въ правѣ сказать имъ: покажите намъ сначала, какая у васъ совѣсть, чтобы мы знали, можно ли ей довѣриться. Есть совѣсть общечеловѣческая, на основаніи которой поставлены общечеловѣческіе законы жизни, заключенные въ письменахъ, преданіяхъ, правилахъ и обычаяхъ цѣлыхъ народовъ. Не представляетъ ли ваша личная совѣсть чего-нибудь не соотвѣтствующаго этой высшей совѣсти, чего-нибудь болѣзненнаго, искаженнаго, уродливаго? Есть совѣсть христіанская, руководимая божественными законами. Какъ ваша совѣсть относится къ этимъ святымъ и непреложнымъ законамъ нравственности, которые чтитъ лучшая часть человѣчества, и въ томъ числѣ вся православная Церковь? Не представляетъ ли ваша совѣсть по отношенію къ нимъ чего-нибудь оскорбительнаго, враждебнаго, разрушительнаго?

Но совѣсть матеріалистовъ и ихъ послѣдователей нельзя обсуждать по законамъ какой бы то ни было религіи, когда они отвергаютъ всякую религію. О нихъ можно судить только по совѣсти общечеловѣческой и исторической. Мы и возмемъ изъ ихъ дѣйствій такія, которыя подлежатъ этому суду. Когда человѣкъ, состоящій въ супружествѣ, соблазняетъ невинную дѣвицу, и оставляя жену и дѣтей, вступаетъ съ нею въ открытое сожитіе, по какой совѣсти это онъ дѣлаетъ? Когда жена говоритъ мужу: я люблю другаго, отпусти меня безъ огласки, отдай мнѣ всѣхъ, или половину дѣтей и возврати мнѣ приданое, или назначь приличное содержаніе изъ своего состоянія, изъ какой совѣсти исходитъ такое предложеніе? Когда мужъ, уважая эту мнимую святыню чувства своей жены, самъ отдаетъ ее въ руки другому, награждаетъ ее, и самъ присутствуетъ на торжествѣ новаго брака, не скрывая его и отъ своихъ дѣтей,—по какой совѣсти это онъ дѣлаетъ? Не по свободной совѣсти, а по совѣсти отупѣвшей въ сладострастіи, по совѣсти оглохшей ко всѣмъ внушеніямъ стыда, нравственнаго приличія, родительской любви и здраваго разума, по которому даже народы, едва изнікающіе изъ невѣжества, въ единобрачіи полагаютъ истинное семейное счастіе и прочныя основы воспитанія и народнаго благосостоянія. Они говорятъ: „мы не стѣсняемъ личной свободы другихъ, не производимъ общественныхъ безпорядковъ“. Но всему міру извѣстно, что для нравственной свободы больше представляютъ опасностей соблазнъ и дурной примѣръ, чѣмъ внѣшнее принужденіе и стѣсненіе; что семейные безпорядки суть сѣмена всякихъ безпорядковъ и бѣдствій общественныхъ. Пора въ предостереженіе христіанскихъ семействъ положить печать не только общественнаго, но и церковнаго осужденія на этихъ проповѣдниковъ разврата подъ именемъ свободы совѣсти.

Въ чемъ же однако состоитъ истинная свобода совѣсти? Не во внѣшнихъ правахъ и преимуществахъ—обществен-

ныхъ и политическихъ, а во внутреннемъ освобожденіи духа отъ всѣхъ препятствій къ соблюденію закона, встрѣчаемыхъ въ поврежденной человѣческой природѣ, и затѣмъ въ сознаніи правоты, въ невозмущаемомъ чувствѣ внутренняго мира и благосостоянія, и въ правѣ относиться къ постановленіямъ закона обрядовымъ по высшему разумѣнію законовъ и цѣлей нравственныхъ.

Мы сказали, что ученіе о свободѣ совѣсти есть собственно христіанское ученіе; потому и разъясненія его надобно искать въ области христіанскихъ истинъ и церковныхъ учрежденій. Въ Церкви мы знаемъ два рода законовъ: законы нравственные, утвержденіе которыхъ въ жизни и дѣятельности духа есть цѣль всѣхъ человѣческихъ трудовъ и усилій, и законы обрядовые, или воспитательные, вспомоществующіе человѣку овладѣть всѣми своими нравственными силами для соблюденія первыхъ. Св. апостолъ Павелъ обрядовый законъ ветхаго завѣта, налагавшій на членовъ ветхозавѣтной Церкви строгія правила о тѣлесной чистотѣ, о жертвахъ, праздникахъ, разборѣ пищи, называетъ *пѣстуномъ* во Христа (Гал. 3, 24), или воспитателемъ, руководителемъ ко Христу. Тоже значеніе имѣютъ и подобные обрядовые законы въ Церкви новозавѣтной, каковы: времена богослуженій, праздники, посты, правила о говѣніи и молитвѣ домашней и другія религіозныя упражненія. Цѣль ихъ—пріучить христіанъ путемъ опытовъ, или нравственныхъ уроковъ, къ собранности ума, различенію помысловъ и сердечныхъ движеній, самообладанію и терпѣнію въ борьбѣ съ страстями плоти, къ самоотверженію въ дѣлахъ человѣколюбія, къ ощущеніямъ высшихъ вліяній изъ міра духовнаго, пробуждающихъ въ душѣ нашей стремленіе къ жизни высшей и вѣчной. Въ этихъ упражненіяхъ непрестанно внушаются чистыя понятія о добрѣ и злѣ, объ обязанностяхъ человѣка, объ его истинномъ совершенствѣ, о способахъ исправленія прирожденной порчи; здѣсь естественныя внушенія совѣсти проясняются, исправляются и утверждаются, такъ

что законъ божественный вызывается и изъ самой души, какъ прирожденный, и въ тоже время вводится въ нее извнѣ, какъ богооткровенный, положительный, изъ чего въ совокупности и слагается полное и ясное познаніе и сознаніе воли Божіей о человѣкѣ. И все это дѣлается подъ живымъ вліяніемъ пастырей и учителей Церкви, гдѣ совѣсть человѣческая охраняется покровомъ глубокой тайны, гдѣ человѣкъ къ нравственнымъ подвигамъ убѣждается, но не принуждается, гдѣ внѣшнія упражненія, видимыя со стороны, переходятъ во внутреннее, невидимое дѣланіе предъ очами Божіими, гдѣ нравственно-больной съ любовію обличается и врачуется, но не оскорбляется и не уничижается. По внутреннюю силу, существо, душу всѣхъ этихъ законоположеній и упражненій составляютъ святыя таинства, въ которыхъ по силѣ крестной жертвы Искупителя сообщается христіанину благодать Божія, возрождающая нашу поврежденную природу, вспомоществующая намъ, очищающая и освящающая насъ. Только „кровь Христова, по ученію Апостола, очищаетъ совѣсть нашу отъ мертвыхъ дѣлъ“ (Евр. 9, 14) и освобождаетъ насъ „отъ порочной совѣсти“ (10, 22). *Аще Сынъ вы свободитъ*, говоритъ Господь, *воистину свободни будете* (Іоан. 8, 36).

Очевидно, что эти законоположенія, трудныя для начинающихъ, становятся болѣе легкими для успѣвающихъ, и нечувствительными, какъбы теряющими свою обязательную силу, для христіанъ совершенныхъ. Кому все равно, какъ апостолу Павлу,—терпѣть голодъ, или насыщаться, быть въ изобиліи, или недостаткѣ (Филип. 4, 12), для того незамѣтны, столь тяжелые для насъ, посты; кто непрестанно молится (1 Сол. 5, 17), для того не трудны продолжительныя богослуженія; кто живетъ духомъ (Гал. 5, 16), для того не соблазнительны наслажденія плоти—вкусныя яства, дорогія вина, пиры, зрѣлища и пр. Вообще, кто ввелъ въ свою природу какъ потребность, какъ необходимость, исполненіе закона нравственнаго, для того теряютъ силу средства, только ведущія къ этому совер-

ненству. „Кто имѣетъ“, говоритъ св. апостолъ Павелъ, „плоды Духа: любовь, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе, вѣру, кротость, воздержаніе, на таковыхъ нѣтъ закона“ (Гал. 5, 23). „Законъ положенъ не для праведника, но для беззаконныхъ“ (1 Тим. 1, 9). „Если вы духомъ водитесь, то вы не подъ закономъ“ (Гал. 5, 18). Вотъ на какой нравственной высотѣ водружено знамя свободы совѣсти! Здѣсь говоритъ человѣкъ: „мнѣ все позволено“ (1 Кор. 10, 23), потому что знаетъ, что не только не сдѣлаетъ, но и не пожелаетъ ничего вреднаго, или противозаконнаго; онъ говоритъ: *вся могу о укрѣпляющемъ мя Іисусѣ Христѣ* (Филип. 4, 13), потому что чувствуетъ въ себѣ обиліе испытанныхъ борьбою и восполняемыхъ благодатію Божіею нравственныхъ силъ. Онъ говоритъ: „для чего моей свободѣ быть судимою чужою совѣстію“? (1 Кор. 10, 29), потому что носитъ въ себѣ Духа Божія, озаряющаго его совѣсть (Рим. 9, 1). Какіе внѣшніе знаки свободы, какія права можетъ дать такимъ людямъ церковная власть? Церковь сама почитаетъ ихъ своими учителями, руководителями, образцами, свѣтилами на церковномъ небѣ, въ какомъ бы званіи они ни были—епископы, смиренные иноки, рабы, или рудокопы. Какія права на свободу совѣсти можетъ дать имъ власть государственная? Они никакихъ не желаютъ, потому что всѣ имѣютъ. Они радуются, когда Церковь Божія не въ гоненіи, а мирно и свободно совершаетъ великое дѣло спасенія людей; но терпятъ и гоненія съ покорностію попускающей ихъ волѣ Божіей, и затѣмъ внушаютъ всѣмъ христіанамъ: „повинуйтесь всякому человѣческому начальству (единовѣрному и иновѣрному) Господа ради“ (1 Пет. 2, 13); „рабы, повинуйтесь своимъ господамъ не только за гнѣвъ, но и за совѣсть (Рим. 13, 5). По отношенію ко всѣмъ властямъ они даютъ христіанамъ одно общее правило, обезпечивающее ихъ отъ всякаго неудовольствія власти: *хощеши ли не боятися власти,—благое твори* (Рим. 13, 3). Счастливо христіанское государство, въ ко-

торомъ не оскудѣваютъ эти свободные исполнители и ревнители закона! Изъ нихъ выходятъ слуги отечества, трудящіеся для него въ цѣлую жизнь безъ мысли о чинахъ и наградахъ; изъ нихъ неподкупные судіи, правдивые и безбоязненные царскіе совѣтники; изъ нихъ въ войскахъ составляются *громоносные легіоны*.

Посмотрите, какъ съ этой высоты ярко освѣщается ложное направленіе тѣхъ христіанъ, которые требуютъ себѣ свободы совѣсти, не имѣя, не утвердивши въ себѣ ни одного изъ нравственныхъ свойствъ, составляющихъ существенныя черты этой свободы. Св. апостолы предвидѣли, что въ христіанскихъ обществахъ будутъ злоупотребленія этимъ высокимъ ученіемъ. Апостолъ Петръ, опредѣляя отношенія первенствующихъ христіанъ именно къ правителямъ, или гражданскимъ властямъ, и притомъ языческимъ, говоритъ имъ: „такова есть воля Божія, чтобы мы, дѣлая добро, заграждали уста невѣжеству безумныхъ людей, какъ свободные, не какъ употребляющіе свободу *для прикрытія зла*, но какъ рабы Божіи“ (1 Петр. 2, 15. 16). Апостолъ Павелъ остерегаетъ съ другой стороны: „къ свободѣ призваны вы, братія, только бы свобода ваша не была *поводомъ къ угожденію плоти* (Гал. 5, 13). Въ этихъ двухъ наставленіяхъ точнымъ образомъ опредѣляются два рода современныхъ искателей свободы во имя совѣсти. Одни требуютъ, чтобы въ христіанскихъ странахъ изъ всѣхъ государственныхъ учрежденій и законоположеній, относящихся къ воспитанію и охраненію народной нравственности, были устранены всякія мѣры, имѣющія религіозный характеръ, какъ напримѣръ: обязательное преподаваніе закона Божія въ учебныхъ заведеніяхъ, охраненіе христіанскихъ браковъ и церковныхъ временъ, требующихъ особаго благоговѣнія и т. п., на томъ основаніи, что всякій имѣетъ право дѣйствовать по своей совѣсти. Такое требованіе есть *прикрытіе зла* или злонамѣренности именемъ свободы. Какъ можетъ вредить свободѣ христіанской совѣсти сообщеніе юношеству осно-

вательныхъ научныхъ познаній въ христіанской религіи, охраненіе чистоты семейной жизни именно отъ этихъ беззаконныхъ сожитій, о которыхъ мы говорили выше, или остереженіе невѣжественныхъ массъ отъ пьянства и буйства въ священныя церковныя времена? Это—пособія, а не препятствія къ достиженію истинной свободы совѣсти. Но искатели свободы здѣсь радѣютъ не о совѣсти и ея правахъ, а о безпрепятственномъ распространеніи своихъ ложныхъ, противухристіанскихъ ученій. Церковной власти ослушаться легко, и во вредъ Церкви дѣйствовать удобно, но съ государственною властію бороться трудно. Вотъ гдѣ истинная причина ихъ жаркихъ нападеній на покровительство христіанской нравственности, оказываемое государственнымъ законодательствомъ!

Другой родъ злоупотребленія ученіемъ о свободѣ совѣсти, предуказанный апостолами, относится къ обрядовымъ, или воспитательнымъ церковнымъ законоположеніямъ. Въ этомъ злоупотребленіи виновны всѣ тѣ, такъ-называемые образованные люди въ нашемъ обществѣ, которые возстаютъ противъ строгихъ уставовъ православной Церкви. „Оставьте“, говорятъ они намъ, „всѣ ваши напоминанія о вечернихъ и утреннихъ богослуженіяхъ, о постахъ и говѣніи; не препятствуйте намъ быть въ театрахъ и концертахъ наканунѣ праздниковъ; мы желаемъ, чтобы театры были открыты и на великій постъ, чтобы было убавлено и самое число вашихъ праздниковъ, потому что намъ нужны рабочія руки для множества необходимыхъ дѣлъ и пр. Къ чему принужденіе?“ Здѣсь христіанская свобода обращается *въ поводъ къ угожденію плоти* и обнаруживается явное непониманіе того, что именно въ этихъ церковныхъ правилахъ и лежитъ путь къ свободѣ совѣсти. Страсть къ плотскимъ наслажденіямъ всегда будетъ бунтовать противъ церковныхъ правилъ, потому что плоть съ великимъ трудомъ подчиняется духу и его высшимъ стремленіямъ. Но православная Церковь не знаетъ принужденія. Въ крайнихъ случаяхъ она только отрекает-

ся отъ своихъ непокорныхъ чадъ и отчуждаетъ ихъ отъ себя. Эти любители наслажденій вольны дѣлать, что хотятъ, все, что̀ выноситъ ихъ совѣсть. Но жаль, что этою распущенностію по отношенію къ уставамъ Церкви нарушаются единообразіе и порядокъ, столь важные для успѣховъ христіанской жизни, нравственно разслабляются молодыя поколѣнія, соблазняется простой народъ, возмущается совѣсть ревнителей христіанской нравственности. Здѣсь кроется великая опасность развращенія — прежде цѣльнаго, нравственно-крѣпкаго русскаго народа. Не такъ поступаютъ истинные ревнители свободы совѣсти: они всегда—самые строгіе исполнители церковныхъ уставовъ, и пользуются правомъ уклоненія отъ нихъ, какъ мы сказали, только для высшихъ нравственныхъ цѣлей. Но и въ этихъ случаяхъ они остерегаются, чтобы своею свободою не повредить кому-нибудь, чтобы, какъ говоритъ ап. Павелъ, „ихъ свобода не послужила соблазномъ для немощныхъ, чтобы отъ ихъ высшаго знанія не погибъ немощный братъ, за котораго Христосъ умеръ“ (1 Кор. 8, 9. 11). Въ виду такихъ опасностей они говорятъ: *не имамъ ясти мяса во вѣки, да не соблазню брата моего* (1 Кор. 8, 13).

Итакъ, свободы совѣсти надобно искать не въ области правъ земныхъ, а въ области совершенствъ духовныхъ. Ее надобно ждать не отъ законовъ государственныхъ, а отъ нашихъ собственныхъ нравственныхъ трудовъ и подвиговъ, и просить не у земныхъ царей и властителей, а у Господа Бога. Въ смыслѣ расширенія разумной свободы въ общественной жизни разсуждайте: о свободѣ мысли, о свободѣ слова, о свободѣ убѣжденій, о свободѣ вѣроисповѣданій, но не о свободѣ совѣсти. Всѣ эти роды свободы могутъ быть только путями къ свободѣ совѣсти, но она сама стоитъ выше ихъ. *Идѣже Духъ Господень, ту свобода* (2 Кор. 3, 17). Аминь.